

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Татьяна Амплеева*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-46-53

Введение. Эффективность функционирования публичной власти во многом зависит от того, как актуализируется ее образ в общественном сознании и правовой культуре социума. В рамках изучения формирующейся публичной власти средневековой Руси, одной из базовых и в то же время сложно решаемых проблем следует считать выявление природы древнерусской публичной власти. Исследователю приходится учитывать не только то, что древнерусское общество так и не стало субъектом единого правового процесса, но и дискретность его правового пространства. Территориальная разобщенность, сохранение в социуме традиционных нормативных установок, сложное сочетание их с правовыми новациями на протяжении IX–XII вв. активно влияли на процесс формирования древнерусской правовой культуры.

Материалы и методы. Помимо документальных памятников, изучены произведения древнерусской литературы разных жанров – от былин до житийных произведений IX–XII вв. В данном исследовании использовались общенаучные и частнонаучные методы познания. При этом осмысление концепта княжеской власти как власти государственной в древнерусской культурной традиции предполагает качественный анализ его формирования. Чтобы определить природу княжеской власти в процессе становления древнерусской государственности использовался метод реконструкции конвенциональных моделей древнерусской правовой культуры, а также генетический метод, позволяющий рассматривать процесс становления публичной власти в Древней Руси в динамике.

Результаты исследования. Проведенное исследование дает все основания полагать, что концептуализация княжеской власти в сознании древнерусского общества начинается с момента ее становления. Анализ летописных текстов показал, что феномен власти находит свое отражение первоначально в обыденном сознании, постепенно переходя от отражения действительности к конструированию образа-концепта власти. Процесс становления государственности нашел свое отражение в этиологических мифах о происхождении основателя государства или династии правителей. Наиболее полно этот про-

* Амплеева Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России
e-mail: ampleeva_t_y@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0001-5111-9544

цесс нашел свое отражение в тексте «Сказания о призвании варягов», сохранившегося в разных редакциях Повести временных лет, автор которого детально обосновал договорную основу княжеской власти первых Рюриковичей.

Обсуждение и заключение. Проблема институционализации власти в Киевской Руси до монгольского периода в отечественной историографии активно обсуждается, начиная с конца XIX в. Однако до сих пор дискуссионным остается основополагающий вопрос: была ли княжеская власть государственной властью? Если была, то к какому периоду истории Древней Руси следует отнести ее возникновение? Ряд исследователей высказывают сомнения в самом существовании древнерусской государственности. Определив сущность княжеской власти и ее природу, есть основания полагать, что формировалась она как власть правителя, а значит, власть государственная.

Введение

Одним из системообразующих элементов государственности следует считать институт публичной власти, поскольку с ее появлением начинается длительный процесс становления государства, как особой формы организации общества. Проблема институционализации власти в Киевской Руси до монгольского периода в отечественной историографии активно обсуждается, начиная с конца XIX в. Однако до сих пор дискуссионным остается основополагающий вопрос: была ли княжеская власть государственной властью? Если была, то к какому периоду истории Древней Руси следует отнести ее возникновение? Ряд исследователей высказывают сомнения в самом существовании древнерусской государственности [1; 2; 4; 14; 16; 19].

Следует обратить внимание на тот факт, что именно социум формирует концепцию власти, закрепляя, в зависимости от существующих условий, тот или иной ее стереотип. А значит, при изучении источников историческая герменевтика должна дополняться «реконструкцией конвенциональных моделей, во многом определявших как процесс создания, так и процедуру чтения памятника». Этот метод позволяет не только раскрыть логику древнерусского книжника, но и увидеть те смысловые границы, «которые создал и сознательно очертил сам автор» [6]. Он дает возможность реконструировать конвенционные модели, сформированные в древнерусском обществе, и получить представление о том, как создавались концепты княжеской власти. Понятие «концептуализация», предложенное Е.С. Кубряковой, трактуется, как взаимодействие внешнего информационного потока с вну-

тренним миром человека, в результате которого происходит его осмысление и рождение новых смыслов [10].

Изучая природу княжеской власти, необходимо определить ее сущность, обращаясь, в первую очередь, к ее онтологическому и аксиологическому аспектам. Для этого нужно не только выяснить, какими терминами это явление обозначалось, но и то, как они толковались современниками той эпохи. Концептуализация княжеской власти в сознании древнерусского общества начинается с момента ее появления. Начальный свод, предшествующий «Повести временных лет», следует рассматривать в качестве базового источника, сохранившего сведения о дописьменной эпохе древнерусской истории. Имена Кия и его братьев впервые появляются в контексте одной из местных легенд о построении города Киева и основании первой династии его правителей. Из текста следует, что после смерти Кия, Щека и Хорива власть над полянами перешла к их роду. Отметим, что степень достоверности приводимых летописных сведений хорошо измеряется данными археологии, полностью подтвердивших точность топографии Киева, приведенную древнерусским книжником. Такую же династическую легенду содержит летопись и о братьях-основателях Радиме и Вятке, Рюрике, Синеусе и Труворе [13. С. 59-71].

Исследование

Процесс становления государственности традиционно отражается в этиологических мифах о происхождении основателя государства или династии правителей. Как правило, эти мифы имеют единую структуру – включают в себя определенное коли-

чество обязательных частей [11. С. 219-220]. Наиболее полно этот процесс нашел свое отражение в тексте «Сказания о призвании варягов», сохранившегося в разных редакциях Повести временных лет. Этот памятник древнерусской историографии относится к началу XII века, времени, когда еще были живы старые традиции эпохи становления древнерусской государственности. В Сказании присутствуют все традиционные части повествования: обоснование необходимости призвания правителя; поиск правителя; его приход; условия наделения его властными полномочиями; история правления; передача власти следующему правителю [13. С. 59-60]. Однако есть одна характерная особенность. Та часть Сказания, где описываются деяния правителя, освещена предельно сжато. Основное внимание автор уделил причине «призвания» и обоснованию выбора именно варяжского правителя: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам...». Далее приведена форма приглашения: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами» [11. С. 219].

Е.А. Мельникова подчеркивает, что содержательное наполнение отдельных частей определяется конкретно-историческими условиями составления произведения, а степень и формы разработки каждой части – задачами, стоящими перед автором, теологическими представлениями автора и традициями [11. С. 220]. Она подчеркивает, что для автора Сказания важно было выделить правовую сторону «призвания». Ключевая тема летописца – это отсутствие правопорядка (правды) и необходимость его установления: «... и не было среди них правды, и встал род на род» [13. С. 59]. Исследовательница отмечает, что в Сказании на первый план выходит тема обеспечения правопорядка (правды). Этим объясняется наличие богатой правовой лексики: «правда», «наряд», «ряд», «княжити и володети», «рядить», «судить по праву». Таким образом, наличие договора («ряда»), фиксируется летописцем, как основа для приглашения варяжского князя для консолидации формирующегося государства, «поскольку иноземный правитель и его дружина не были связаны узкоплеменными интересами» [11. С. 220].

Второй важнейшей задачей приглашенного князя была защита от внешних угроз, прежде всего со стороны Скандинавии. Властные полномочия князя определялись «рядом» и им же ограничивались. В договоре определялись условия «кормления» князя и его дружины. Рюрик и его мужи расселись в выделенных новгородцами городских центрах, за счет которых они должны были кормиться [13. С. 60].

Л.В. Черепнин акцентирует внимание на том, что легендарный рассказ о призвании варягов имеет глубокий политический смысл, заключающийся в «правовых началах государственности» [20. С. 247]. Он видит прямую связь этого рассказа с событиями 1015-1016 гг., связанными с получением новгородцами Правды Ярослава как акта добровольного соглашения новгородцев и князя, опирающегося на правовую традицию Новгородской земли. На богатство правовой лексики в тексте Сказания («правда», «наряд», «ряд», «княжити и володети», «рядить», «судить по праву») обратил внимание В.Т. Пашуто. Историк высказал предположение о том, что летописец использовал более древнее устное предание, содержащее сведения о соглашении, на основе которого было осуществлено «призвание» [17. С. 103-104]. Исследователи давно заметили в тексте Сказания договорную основу «призвания варягов» [7. С. 96].

Следует отметить, что в летописи передача верховной власти приглашенному правителю сопряжена с условием установления правопорядка, политической стабильности и обеспечения правосудия на подвластной территории. Но не только для этого были приглашены варяги. В.О. Ключевский подчеркивает, что как только уселись братья – варяги на своих местах, начали они «города рубить и воевать всюду». Следовательно, отмечает историк, если варяги сразу принялись строить пограничные укрепления и оборонять население от внешнего врага («города рубить и воевать всюду»), то и приглашены они были именно для этого – защиты населения и охраны границ [9. С. 96].

Анализ летописных текстов показал, что феномен власти находит свое отражение первоначально в обыденном сознании, постепенно переходя от отражения действительности к конструированию образа-концепта власти. Так, образы первых Рюриковичей, запечатленные в «Сказании о призвании варягов», предельно лаконичны. Летописец изображает их храбрыми воинами и мудрыми правителями. Основное внимание

древний книжник уделяет содержанию династической легенды, при помощи которой он обосновывает династическую унификацию - родовое единство всех русских князей как основу единства всей русской земли.

Впервые образ князя - правителя державы Рюриковичей в персонафицированном виде появляется в рассказе «Повесть временных лет» о походе новгородского князя Олега с большим войском на Константинополь. В нем князь предстает как бесстрашный воин, искусный полководец и мудрый и даже хитрый правитель, установивший по ходу продвижения в Византию, свою власть над Смоленском («прия град и посади мужь свои») и Киевом, хитростью выманив и («убиша Аскольда и Дира»). Объявив Киев столицей Руси («Се буди мати градом русьским»), он занялся укреплением границ («и нача города ставити») и организацией регулярного налогообложения подвластного ему населения («и устаи дани...»). Поход Игоря на греков (в начале X в.), подробно освещенный в «Повести», добавляет к образу правителя еще и черты искусного дипломата [13. С. 10-12].

Отметим, что древнерусские летописцы не ставили перед собой задачи идеализации первых Рюриковичей. Так, тот же Игорь, унаследовавший власть в Русском государстве после Олега, предстает в летописных текстах как жертва собственных управленческих ошибок, бесславно закончивший жизнь под Коростенем [13. С. 12]. Неоднозначно отношение древнерусского книжника к Святославу. Автор восхищается личным мужеством и уникальными полководческими способностями киевского князя, формируя тем самым идеальный образ князя-воина. Однако его не устраивает, что правитель реализует свои внешнеполитические планы в ущерб безопасности Русской земли. Рисуя портрет того или иного князя, летописец стремится не только изложить факты его биографии, но и дать этим фактам моральную оценку.

Еще в 40-е годы XX века И.П. Еремин предложил особый подход к древнерусским текстам, в которых следует различать проявления как индивидуального сознания автора, так и его художественно-исторического мышления. Исследователь достаточно аргументированно доказал, что летописец - не дипломат, и не княжеский историограф, а литератор, имеющий собственные принципы миропонимания и художественного видения. Он выделил в летописном тексте XII в. несколько типов повествования, каждому

из которых соответствовал особый тип изображения героя: хроникальный тип погодной записи, документальный летописный рассказ, выдержанный в агиографическом ключе летописная повесть о смерти князя и тяготеющее к эпике летописное сказание. Переход летописца от одного типа повествования к другому вел к изменению изображения исторического персонажа [5. С. 19]. Таким образом, была выявлена и обоснована та историографическая схема, которой подчинено изложение событий с целью обоснования авторской концепции об исконном единстве русского народа. В рамках этой концепции летописец положительно оценивает любые действия Рюриковичей, направленные на объединение Русской земли под своей властью. Поэтому особое внимание в «Повести» уделено князьям: Владимиру и Ярославу, завершившим политическое объединение Русской земли.

Отметим, что «Повесть временных лет» - произведение, реализующее чисто практическую задачу - показать на конкретных примерах, в рамках рассказа о прошлом, как надо и как не надо поступать. Поскольку работа над «Повестью» шла в условиях, когда бывшее единство Русской земли, созданное «трудом великим» первыми Рюриковичами, было утрачено, летописец пытается искать спасение от современного ему «нестроения» Русской земли в возвращении к прежним порядкам. Он мечтает восстановить главенство старшего в роде киевского князя, жить «по устроению отню и дедню», «послушающе брат брата», «с правдою, а не с насильем» [5. С. 21].

Таким образом, начинает формироваться социальный стереотип рода Рюриковичей, который генерировал устойчивые, обобщенные представления древнерусских книжников о сущности княжеской власти. Следовательно, в качестве субъекта власти выступает род Рюриковичей как единое целое. Древнерусским книжникам не чужда была концепция «власти от бога». Так, в «Повести временных лет» после рассказа об убийстве Бориса и Глеба (1015 г.) древнерусский книжник упрекает Святополка за «высокоумие», поскольку он «не ведый, яко бог дает власть». Ее проникновение на Русь И.С. Чичуров относит к середине XI века [21]. Таким образом, в концепцию княжеской власти, формируемой древнерусскими летописцами, добавился еще один важный элемент - источник власти.

«Слово о законе и благодати» первого русского митрополита Киевского Илариона

(1051 – 1054) в современной историографии рассматривается как первый политический трактат, в котором «образ идеального князя» использован автором «как отражение определенной концепции власти [21. С. 130]. Концепция княжеской власти изложена Иларионом в этом произведении не доктринально, а персонифицировано, через похвалу князя Владимира, идеализированного в соответствии с авторской задачей и в рамках принятой автором системы ценностей. При этом в «Слове» Илариона не найдено своего отражения «основа основ византийской политической мысли – теория божественного происхождения государственной власти».

Создавая идеальный образ правителя, Иларион прославляет его справедливость, доброту и щедрость, его христианское смирение и страх перед богом. Не обходит и правовую сторону княжеской власти. Владимир «пасет свою землю правдою», он дружествен правде», «правдою бе облечен». Прекрасным подтверждением нормативности воинской характеристики для древнерусского представления о власти служат воинские доблести князя. И.С. Чечулин высказывает предположение, что Илариона интересовало в концепции власти не ее общее содержание, а обоснование наследственного принципа ее организации [21. С. 133].

Концепция княжеской власти в «Поучении Владимира Мономаха» раскрывается автором через поведенческий идеал князя. В своем поучении князь Владимир обращается к потомкам, к тем, кто сумеет серьезно воспринять его слова и «не станет лениться, а будет трудиться». Первое, чему призывает следовать князь – «иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне» [6. С. 62]. Отрокам следует избегать дурных компаний. Нужно стремиться приносить пользу ближним, помогать нуждающимся. Очень важно, по мнению Владимира Мономаха, «иметь помыслы чистые» и побуждать себя совершать только добрые поступки. Нельзя забывать заповедей божьих: не мстить своим гонителям, любить даже тех, кто тебя не любит, безропотно терпеть все лишения, ниспосланные свыше, не отвечать злом хулителем. Поражает, с какой настойчивостью Владимир Мономах предостерегает своих детей от лени. Характер княжеских занятий в изображении Мономаха обнаруживает черты, несвойственные византийским представлениям о власти. Уже наставление детям молиться «и на кони ездяче» подводит к мысли о том, что идеальный князь в глазах Мономаха от-

нюдь не празден. Поведение князя на войне, как оно регламентируется в «Поучении», ориентировано на предводителя, близкого своей дружине, а не на полководца, возвышающегося над войском. Образ монарха-воителя – такой поведенческий идеал правителя рисует Мономах в своем «Послании». Он наставляет потомков, которым предстоит испытание властью, не убивать и не отдавать приказов о казни виновных [6. С. 73].

Отметим, что история конвенциональных моделей, оставляет свой след не только в словах и символах, как носителях информации, но и формирует идейные константы. Любая коммуникативная ситуация, будь то работа летописца или обращения церковных иерархов к своей пастве, не только актуализирует семантическое ядро модели, но и запускает процесс индивидуального ее осмысления.

Заключение

Использование семантических ресурсов обыденного древнерусского языка, наиболее ярко отраженного в былинном эпосе, позволяет выявить рефлексии бытия власти на уровне обыденного сознания. Историзм былин, по мнению Б.Д. Грекова, проявляется в отборе воспеваемых событий, в народной оценке этих событий и действующих лиц [2. С. 288.]. Историк обратил внимание на интересную особенность: в былинах нет воспевания княжеских дел; князья никогда не участвуют непосредственно в битвах. Обобщенный образ князя Владимира не содержит в себе ничего героического, а наоборот, князь обычно нуждается в помощи, печалится, жалуется богатырям [2. С. 290]. Это происходит потому, что данный цикл былин складывался в тот период времени, когда Древнерусское государство кардинально изменило свою внешнюю политику. От далеких походов в чужие страны Русь перешла к обороне своей территории от печенегов и избавлению от варяжских наемников. Однако договорная концепция княжеской власти, пределы его властных полномочий и ответственности не претерпели никаких изменений. Обращение к памятникам «риторического типа», с ясно выраженной авторской позицией позволяют изучать функционирование конвенциональных моделей в процессе их становления, развития и переосмысления с учетом актуальных исторических факторов. Так, для летописца XII в. важно было подчеркнуть, что передача верховной власти произошла согласно договору («по

ряду»), который устанавливал обязанность приглашенного правителя обеспечивать порядок и стабильность в обществе [12]. Былины должны были отвечать на вопросы современности и содержать примеры наиболее удачных решений актуальных со-

циально-политических проблем. При этом, сформировавшаяся в древнерусских землях концепция княжеской власти долгие годы основывалась на отношениях взаимозависимости княжеской власти и древнерусского общества.

Литература:

1. Горский А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016.
2. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
3. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников (IX – XII вв.): курс лекций: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., М., 2001.
4. Дьяконов М.А. Очерки общественного строя Древней Руси СПб., 2005.
5. Еремин И.П. Исследования по древнерусской литературе. Т. 1. Литература Киевской Руси XI-XII вв. СПб., 2013.
6. Изборник: Повести Древней. М., 1987.
7. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю. М., 2015.
8. Каравашкин А. Власть мучителя. Конвенциональные модели в русской истории XI-XVII вв. // Россия XXI. 2006. № 4. С. 62-109.
9. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. I М., 1987.
10. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание. Тамбов. 2002. Вып. 2.
11. Мельникова Е.А. Сказание о призвании варяжских князей // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения, Жития, Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003.
12. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранней средневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1991. № 1990.
13. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перец. СПб., 2007.
14. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
15. Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. I. XI-XII века. СПб., 2000.
16. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X-XIII века. СПб., 2011.
17. Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973. М., 1974.
18. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Ленинград, 1990.
19. Фроянов И.Я. Княжеская Русь. Ленинград, 1990.
20. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Т. 1. М., 1948.
21. Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990.

THE LEGAL NATURE OF PRINCELY POWER IN ANCIENT RUSSIA

Introduction. *The effectiveness of the functioning of public power largely depends on how its image is actualized in the public consciousness and the legal culture of society. As part of the study of the emerging public power of medieval Russia, one of the basic and, at the same time, difficult to solve problems should be considered the identification of the nature of the Old Russian public power. The researcher has to take into account not only the fact*

that the Old Russian society has not become a subject of a single legal process, but also the discreteness of its legal space. Territorial disunity, preservation of traditional normative attitudes in society, their complex combination with legal innovations during the IX-XII centuries actively influenced the process of formation of the Old Russian legal culture.

Materials and methods. *In addition to documentary monuments, the works of ancient Russian*

literature of various genres - from epics to hagiographic works of the IX-XII centuries - have been studied. In this study, general scientific and private scientific methods of cognition were used. At the same time, the comprehension of the concept of princely power as state power in the Old Russian cultural tradition presupposes a qualitative analysis of its formation. To determine the nature of princely power in the process of formation of ancient Russian statehood, the method of reconstruction of conventional models of ancient Russian legal culture was used, as well as a genetic method that allows us to consider the process of formation of public power in Ancient Russia in dynamics.

The results of the study. *The conducted research gives every reason to believe that the conceptualization of princely power in the consciousness of ancient Russian society begins from the moment of its formation. The analysis of chronicle texts has shown that the phenomenon of power is reflected initially in everyday consciousness, gradually moving from reflecting reality to constructing the image-concept of power. The process of statehood formation is reflected in the etiological myths about the origin of the founder of the state or the dynasty of rulers.*

This process was most fully reflected in the text of the "Legend of the Vocation of the Varangians", preserved in various editions of the Tale of Bygone Years, the author of which justified in detail the contractual basis of the princely power of the first Rurikovich.

Discussion and conclusion. *The use of semantic resources of the ordinary Old Russian language, most vividly reflected in the epic epic, allows us to reveal the reflection of the existence of power at the level of everyday consciousness. The historicism of epics is clearly manifested in the selection of sung events, in the popular assessment of these events and actors. For the chronicler of the XII century, it was important to emphasize that the transfer of supreme power takes place according to a contract ("in a row"), which establishes the duty of the invited ruler to ensure order and stability in society and limits his powers.*

Tatyana Yu. Ampleeva,
Doctor of Sciences (Law),
Professor, Department of State Regulation,
MGIMO University,
Russia

Ключевые слова:

природа власти, древнерусская государственность, договор, концепция власти, конвенциональные модели в русской истории X-XII веков

Keywords:

The nature of power, ancient Russian statehood, contract, the concept of power, conventional models in Russian history of the X-XII centuries

References:

1. Gorskij A., 2016. Srednevekovaja Rus'. O chem govorjat istochniki [Medieval Russia. What are the sources talking about]. Moscow.
2. Grekov B.D., 1953. Kievskaja Rus' [Kievan Rus]. Moscow.
3. Danilevskij I.N., 2001. Drevnjaja rus' glazami sovremennikov (X - XII vv.): kurs lekcij [Ancient Russia through the eyes of contemporaries (IX-XII centuries): a course of lectures]. Moscow.
4. D'jakovon M.A., 2005. Oчерки obshhestvennogo stroja Drevnej Rusi [Essays on the social system of Ancient Russia]. Saint-Petersburg.
5. Eremin I.P., 2013. Issledovanija po drevnerusskoj literature. T. 1. Literatura Kievskoj Rusi X - XII vv. [Research on Ancient Russian literature]. Saint-Petersburg.
6. Izbornik: Povesti Drevnej Rusi., 1987. [Izbornik: Stories of Ancient Russia]. Moscow.
7. Ilovajskij D.I., 2015. Razyskanija o nachale Rusi: vmesto vvedenija v russkuju istoriju [The Search for the Beginning of Russia: instead of an introduction to Russian History]. Moscow.
8. Karavashkin A., 2006. Vlast' muchitelja. Konvencional'nye modeli v russkoj istorii XI - XVII vv. [The power of the torturer. Conventional models in Russian History of the XI - XVII centuries]. Rossiya XXI [Russia XXI]. № 4. P. 62-109.
9. Ključevskij V.O., 1987. Sochinenija: v 9-ti t. T. 1. Kurs russkoj istorii. Ch. I. [Works in 9 volumes. Vol. 1. Course of Russian history]. Moscow.
10. Kubrjakova E.S., 2002. O sovremennom ponimanii termina "koncept" v lingvistike i kul'turologii [On the modern understanding of the term "concept" in linguistics and cultural studies]. Real'nost', jazyk i soznanie [Reality, language and consciousness]. Tambov. Issue 2.
11. Mel'nikova E.A., 2003. Skazanija o prizvanii varjazhskih knjazej [The legend of the vocation of the Varangian Princes] Written monuments of the history of Ancient Russia. Saint-Petersburg.

12. Mel'nikova E.A., Petruhin V.Ja., 1991. "Rjad" legendy o prizvanii varjagov v kontekste rannej srednevekovoj diplomatii. [The "Series" of the legend of the calling of the Varangians in the context of early medieval diplomacy]. Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR [The oldest states on the territory of the USSR]. № 1990. Moscow.
13. Povešt' vremennyh let., 2007. [The Tale of Bygone Years]. Saint-Petersburg.
14. Sverdlov M.B., 2002. Domongol'skaja rus': Knjaz' i knjazheskaja vlast' na Rusi VI- pervoj treti XIIIv. [Pre-Mongol Russia: Prince and princely power in Russia of the VI - first third of the XIII century.]. Saint-Petersburg.
15. Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona [A word about the law and grace of Metropolitan Hilarion]. Saint-Petersburg. 2000.
16. Tolochko P.P., 2011. Vlast' v Drevnej Rusi. X - XIII veka [Power in Ancient Russia. X-XIII centuries]. Saint-Petersburg.
17. Pashuto V.T., 1974. Letopisnaja tradicija o "plemennyh knjazhenijah" i varjazhskij vopros [The chronicle tradition of "tribal principalities" and the Varangian question]. Letopisi i hroniki [Annals and chronicles], 1973. Moscow.
18. Frojanov I.Ja., 1990. Kievskaja Rus: Očerki otechestvennoj istoriografii [Kievan Rus: Essays of Russian Historiography]. Leningrad.
19. Frojanov I.Ja., 1990. Knjazheskaja Rus' [Princely Russia]. Leningrad.
20. Cherepnin L.V., 1948. Russkie feodal'nye arhivy XIV-XV vekov [Russian feudal archives of the XIV-XV centuries]. Moscow.
21. Chichurov I.S., 1990. Politicheskaja ideologija srednevekov'ja: Vizantija i Rus' [The Political Ideology of the Middle Ages: Byzantium and Russia]. Moscow.